

ЛИТЕРАТУРА В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРЫ

УДК 821.161.1(09)
doi 10.17072/2073-6681-2022-3-69-77

Чеховский контекст в «Сентиментальных повестях» Михаила Зощенко

Бао Тинтин

аспирант кафедры истории русской литературы

Санкт-Петербургский государственный университет

199034, Россия, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9. btt4896@gmail.com

SPIN-код: 7165-9724

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4000-5503>

ResearcherID: AFS-3915-2022

Статья поступила в редакцию 16.03.2022

Одобрена после рецензирования 13.04.2022

Принята к публикации 27.05.2022

Информация для цитирования

Бао Тинтин. Чеховский контекст в «Сентиментальных повестях» Михаила Зощенко // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2022. Т. 14, вып. 3. С. 69–77. doi 10.17072/2073-6681-2022-3-69-77

Аннотация. «Сентиментальные повести» М. М. Зощенко выстроены по принципу пирамиды, где каждый уровень согласуется и сообщается с предыдущими, с русской классикой. Одним из наиболее повлиявших на Зощенко писателей является Чехов. Их творческое сходство многообразно: поэтика повседневности, образ «маленького человека», лирический юмор, экзистенциальная проблематика. В настоящей работе проводится сравнительный анализ и интертекстуальное сравнение поэтики М. М. Зощенко и А. П. Чехова. Цель исследования – выявить, как М. М. Зощенко цитирует и трансформирует чеховский принцип «рассказов открытия», какие смыслообразующие функции выполняют интертексты. Анализ показал, что «Сентиментальные повести» М. М. Зощенко в большей степени созданы по чеховскому жанру «рассказов открытия». Тема прозрения, композиционный принцип «казалось – оказалось», экзистенциальная проблематика, футлярный комплекс продолжают литературную преемственность и предлагают новые возможности для интерпретации прозы М. М. Зощенко. Зощенковские герои – средний интеллигентский тип прошлого века. Трагедия заключается в том, что их мира уже нет, а судьба необратима, интеллигенты становятся бессмысленными мучениками страдания, жертвами смены эпохи. Сознают ли эту проблему герои или нет, они, как субъекты ориентирования в действительности, неизбежно погружаются в тупик познания бытия. Следовательно, страх, одиночество, непонимание, растерянность, разобщенность, провал коммуникации приобретают томительный вес и глубину в прозе М. М. Зощенко. Установлено, что в прозе явно ощущается авторское сочувствие к своим интеллигентам. Бытийный пафос, вечное бессилие мысли и действия, пафос невозможности возвращения к прошлой жизни и страх перед неведомостью судьбы составляют внутреннюю тему «Сентиментальных повестей» и поднимают повести до философской высоты.

Ключевые слова: экзистенциальная проблематика; тема «открытия»; футлярный комплекс; интертекстуальность; интертекст; «Сентиментальные повести»; М. М. Зощенко; А. П. Чехов.

Введение

Говоря о наиболее повлиявших на Зощенко писателей, нельзя не назвать Чехова. «Зощенко, как писатель, является своего рода новым первичным Чеховым: Чехонте. Несмотря на разницу в эпохах, родство Зощенки с Чехонте мне кажется очевидным» [Анненков 1991: 313]. Творческое сходство писателей многообразно: поэтика повседневности, новаторство в литературном языке («работа с бытовыми и литературными штампами» [Жолковский 1999: 175]), образ «маленького человека», лирический юмор, экзистенциальная проблематика, медицинские темы (в произведениях Зощенко и Чехова представлен общий феномен «шарлатанов от медицины» [Болдырева 2021: 167]). Литературная связь Зощенко и Чехова проявляется не только в широком типологическом, но и в узком интертекстуальном аспекте. Наиболее наглядны сюжетные и мотивные реминисценции. Фабула в «Бедной Лизе» Зощенко взята из чеховской «Душечки», «Дама с цветами» представляет собой пародию на «основные знаковые характеристики чеховских персонажей и общий сентиментально-возвышенный настрой “Дама с собачкой”» [Колева 2013: 155].

Взаимодействие автора с предшественниками традиционно рассматривается как «проблема литературных влияний, реминисценций, сюжетных интерпретаций» [Лушникова 1995: 5]. В частности, само явление цитации и трансформации «чужих» текстов именуется в настоящее время термином «интертекстуальность». Эта концепция выдвинута Ю. Кристевой. Исследовательница пишет: «Любой текст строится как мозаика цитаций, любой текст есть продукт впитывания и трансформации какого-нибудь другого текста» [Kristeva 1981: 66]. Однако, чтобы понятие интертекстуальности смогло остаться действенным аналитическим инструментом, мы обратимся к теории И. В. Арнольд, которая под интертекстуальностью понимает «включение в текст целых других текстов с иным субъектом речи, либо их фрагментов в виде цитат, реминисценций и аллюзий» [Арнольд 1999: 351].

В настоящей работе мы анализируем в прозе Зощенко те места, которые должны отсылать читателя к творчеству Чехова и поднимаемым в нем вопросам: теме любви и страха, символической ассоциативности предметов, экзистенциальным проблемам и пр. Цель исследования – выявить, как М. М. Зощенко цитирует и трансформирует чеховскую традицию, какие смыслообразующие функции выполняют интертексты.

Материал и методы исследования

Материалом послужили «Сентиментальные повести» М. М. Зощенко и такие произведения

А. П. Чехова, как «Три сестры», «Человек в футляре», «Тапер», «Упразднили!» и т. п. Для решения задач исследования использовались типологический, интертекстуальный методы.

Актуальность исследуемой проблемы

Актуальность исследования обусловлена тем, что сопоставление поэтики Зощенко и Чехова еще остается малоизученным во всей своей полноте и сложности исследовательским вопросом, с учетом межтекстового компонента.

Результаты исследования и их обсуждение

В произведениях Зощенко и Чехова заметна общая ситуация любовного свидания – *rendez-vous (рандеву)*. У Чехова тема любви, как правило, связана с треугольником, уходом (или желанием ухода) женщины от мужа к другому мужчине. По этой фабульной линии построены «Несчастье», «Страх», «О любви», «Дама с собачкой» и пр. Большинство любовных историй связаны со светлой грустью и заканчиваются трагедией. К чеховскому рандеву близко зощенковское, которое реализовано мотивом «ухода женщины к другому», причем этим другим нередко оказывается более сильный мужчина, в частности сосед. Тамара вышла замуж за иностранного коммерсанта («Аполлон и Тамара»); Нина Осиповна убежала от мужа к заведующему хлебопекарней («Люди»); Домна Павловна выбрала военного телеграфиста («Коза»); Симочка жила с заведующим кооперативом («Мишель Синягин»).

При внимательном сопоставлении карьер мужчин можно обнаружить, что женщина выбирает не любовь, а «хлеб». С точки зрения женщины, стабильная семейная жизнь основана на надежной карьере мужчины. Причина ухода Нины Осиповны от мужа к заведующему хлебопекарней косвенно свидетельствует о жизненной ценности питания. Оно предстает «эмблемой жизни, счастья и покоя» [Жолковский 1999: 134]. Мотив еды становится «мерилом определения любовного чувства» [Обухова 2011: 30]. Если чеховские рандеву-драмы выражают разнообразные мировоззренческие взгляды на любовь по принципам «индивидуализации каждого конкретного случая» [Сухих 2007: 254], то зощенковские, напротив, лишь предлагают формулу любви. Сопоставление «слабого» мужа и «сильного» мужчины не просто сводится к любовной истории. Это сопоставление двух типов жизни, двух форм существования. Смена партнера означает смену жизненной позиции. Оппозиция между мужчинами – оппозиция прошлого и настоящего, старого и нового. Любовь у Зощенко шаблонна, формальна. Обсуждение брачных отношений практически есть философское размыш-

ление над проблемой бытия, над тем, какую форму существования можно выбрать.

У Зоценко «слабый» муж и его «сильный» соперник обычно находятся в состоянии антагонизма, но иногда они оказываются *двойниками*. Уход жены заставляет Ивана Ивановича совершить возмездие соседу, в итоге объектом мести становится собака. Драка героя с собакой опосредованно показывает пробуждение в нем зверя, он становится сильным и беспощадным. Амбивалентное снятие противопоставления слабого мужа и сильного антагониста возможно «путем превращения “слабого” в “сильного”» [Жолковский 1999: 99]. В этом процессе мотивы оборотничества и двойничества связаны с мотивом страха. Животное начало Ивана Ивановича демонстрирует его попытку преодолеть страх перед сильным соседом и вернуть себе семейное счастье.

В рандеву Чехова пейзаж (ночной сад, чистый воздух, лунное сияние, прошедший дождь...) обычно изображен в лирической интонации. Ситуация рандеву Чехова, «...даже когда повествование ведется в настоящем времени, имеет привкус воспоминания, всегда придающего сюжету печально-ностальгический оттенок...» [Сухих 2007: 261]. В зоценковском рандеву место любовного свидания – романтическое тихое пространство: сад, бульвар, сквер, берег моря... Любовная ситуация изображается то в меланхолической мелодике с сентиментальными воспоминаниями («Аполлон и Тамара», «Мишель Синягин»), то в патетическом тоне с пародийным оттенком («О чем пел соловей», «Сирень цветет»). Например, в повести «Сирень цветет»: «Они уходили по вечерам на озеро и там, на высоком берегу, на скамейке, а то и просто на траве под сиренью сидели, нежно обнявшись, переживая каждую секунду свое счастье» [Зоценко 2008: 192].

В «Аполлоне и Тамаре» есть сюжетная реминисценция из «Тапера» Чехова. Оба героя – музыканты, играющие на балах. У них общий комплекс неполноценности мотивирован ничтожностью социальной идентичности либо неуважением окружающих. «Не так ли? Что я такое? Тапер, прислуга... официант, умеющий играть!...» [Чехов 1976: 205]. «В этот момент Аполлон Перепенчук понял, какой он, в сущности, незначительный еще и мизерный человек» [Зоценко 2008: 20]. Отрывки можно интерпретировать с точки зрения переживания «маленького человека» в связи с незначительным социальным положением. Но наш акцент расставлен по-другому. Мы видим философский «сдвиг в сознании человека» [Катаев 1979: 11], т. е. *ситуацию «открытия»*. Данное наблюдение позволяет расширять направления и темы для дальнейшего сопоставления.

В книге В. Б. Катаева выделены следующие черты чеховских «рассказов открытия»: 1) прозрение и отрицание прежних привычных, поверхностных убеждений о жизни; 2) композиционный принцип «казалось – оказалось»; 3) человек как «субъект познания, субъект ориентирования в действительности» [там же: 87]; 4) футлярный комплекс, экзистенциальные мотивы. Заметим, что именно *по художественному принципу жанра «рассказов открытия» созданы «Сентиментальные повести» Зоценко*. Л. А. Посадская отметила, что внутри цикла повестей «можно (с определенной долей условности) выделить несколько типов сюжетов: философские – о смысле жизни, роли случая и судьбы, о прозрении...» и «бытовые» [Посадская 2013: 9]. На самом деле большинство этих типов могут быть включены в одну фабулу открытия либо прозрения. Жизнь для чеховских героев в цикле «рассказов открытия» враждебна, «представления любого героя о ней обнаруживают свою упрощенность, оборачиваются иллюзией» [Катаев 1979: 19]. Замечание В. Б. Катаева также уместно для оценки интеллигентов Зоценко, которые «были выброшены революционным вихрем из колеи жизни и было трудно найти себе место в обществе» [Гу Вэйцзе 2012: 210].

Аполлон – свободный художник, тапер, типичный романтический мечтатель. О его склонности к пребыванию в мире грез свидетельствует творчество: «Нахлынувшие на меня мечты» и «Фантазии реаль». Герой любит мечтать о счастье, о несбыточных карьерных планах: стать известным музыкантом, отважным авиатором, изобретателем, путешественником, хирургом. Он живет замкнуто, в одиночестве. Романтика затворнической жизни становится почвой для его фантазий. Он уверен в достижении успехов, но эти желания не сбылись. Проблема не в конфликте между мечтой и реальностью, а в сложности самой жизни. Она была украшена иллюзиями Аполлона, но революция уничтожила его фантазию. Само революционное преобразование не делает жизнь жестокой, а лишь раскрывает истинную, безжалостную ее сущность под обманчивой маской.

Аполлон, понимая жестокость бытия, впервые задумывается о том, как правильно жить. Его прозрение оказывается отрицанием наивных иллюзий и рефлексией о бессмысленности уходящей жизни: «...прежняя жизнь смешна и наивна. И смешно и наивно было его желание стать великим музыкантом и знаменитым прославленным человеком» [Зоценко 2008: 28–29]. Стоит почеркнуть, что Зоценко, как Чехов, убил не надежды, а наивные иллюзии. Аполлон, подобно субъекту познания в «рассказах открытия» Чехо-

ва, занят осмыслением жизни, но бессилён в ней ориентироваться: «Только что живет по-выдуманному. А ему нужно по-другому жить... Но как нужно было жить, <...> он не знал» [Зощенко 2008: 32]. Бессилие разобраться в жизненных вопросах ведет к неспособности в выборе действия и невозможности вырваться из заколдованного круга. Прозрение повлечет не душевное успокоение, а мучение и дисгармонию. Переход Аполлона к новому видению осуществлен с помощью композиции «казалось – оказалось»: «Но то, что раньше казалось ему легким и простым, теперь представлялось необыкновенной трудностью, даже невозможным» [Зощенко 2008: 22]. «Он чувствовал какой-то испуг перед неведомой ему, оказывается, жизнью. Ему казалось теперь, что жизнь – это какая-то смертельная борьба за право существовать на земле» [там же: 65].

Не менее серьезным выглядит открытие, которое делает Белокопытов («Люди»). Неудачные попытки устроиться на работу заставляют Белокопытова понять бесполезность дворянского образования (владение испанским языком) и открывают ему глаза на реальность: «Он, оказывается, ничего не умеет и ничего не может, и что об этом он еще никогда не задумывался» [там же: 63]. Тема «открытия» развернута в сюжете «казалось – оказалось». Гносеологический поворот приносит Белокопытову беспокойство, даже влечет деградацию личности. В пучине бедствий герой, потеряв доброе начало, постепенно превращается в торговца, склонного к обману покупателей. Он смиряется и утверждает новую – циничную – философию жизни: «Цинизм – это вещь, совершенно необходимая и в жизни нормальная...» [там же: 71].

Аналогичная ситуация описывается в «Страшной ночи». Котофеев вел обыденную, стабильную жизнь. В результате беседы с бывшим помещиком и учителем чистописания он опровергает свое поверхностное, привычное представление о жизни, задумывается о случайности, нетвердости существования. Прозрение приводит к хаосу: «Какое-то неясное беспокойство овладело им» [там же: 103]. Хаос проявлен не только в психологической тревоге, но и в беспорядочном поведении. Борис Иванович «закричал», просил милостыню, «...с трудом раскачивая тяжелый медный язык, бил по колоколу...», «...был смертельно бледен и дрожал всем телом» [там же: 110–112].

В повести также очевидны сюжетные и мотивные реминисценции из «Упразднили!» Чехова. Как полагает С. Г. Боровиков: «Завязка фабулы “Страшной ночи” почти повторяет рассказ Чехова “Упразднили!”...» [Боровиков 2015: 558]. Изображение портрета тревожной, недоумевающей души героев перед возможной отменой

профессии / отменой чинов рифмуется. У Чехова: «Проводив землемера, упраздненный прапорщик заходил по всем комнатам и стал думать» [Чехов 1975: 224]. «Через два часа он приехал к себе домой бледный, без шапки, с тупым выражением ужаса на лице... Жена, пораженная его видом, забросала его вопросами, но на все вопросы он отвечал только маханием руки...» [там же: 227]. У Зощенко: «И, снова задохнувшись, он встал со стула и принялся ходить по комнате. Страшное волнение охватило его» [Зощенко 2008: 108]. «А когда ему напоминали об этих подробностях, он конфузливо махал руками, упрасывая не говорить об этом» [там же: 113].

В. Б. Катаев отметил: «Герои Чехова-юмориста живут в строго регламентированном мире, где любое действие должно уместиться в ячейку той или иной знаковой системы, <...> будь то упразднение чинов или реформа орфографии, это для него равносильно жизненной катастрофе» [Катаев 1979: 49–50]. Замечание исследователя в той или иной степени справедливо, однако с ним нельзя полностью согласиться. Страх Вывертова спровоцирован не столько упразднением чинов либо крушением регламентацией, сколько неожиданным случаем, непрочностью существования. Вот почему он говорит не без тревожного сомнения: «Не упразднили ли уж и солнца?» [Чехов 1975: 227]. Страх Вывертова – это своего рода экзистенциальная эмоция боязни случайности, находящая аналог в «Страшной ночи»: «Не в том, Луша, дело, что попрут, <...> – А в том, что превратно все. Случай...» [Зощенко 2008: 107].

Котофеев – чеховский «человек в футляре», боящийся случайности. Тревожно-боязливый темперамент героя напоминает о лейтмотивной фразе Беликова: «Да как бы чего не вышло» [Чехов 1977: 43]. Чеховские инварианты «футлярности» – «мотивы ограниченности, окостенелости, порочной повторяемости, страха перед жизнью, желания защититься от нее условностями и штампами, прижизненного омертвления и преждевременной смерти и т. д.» [Жолковский 1999: 179] – могут говорить о литературной преемственности. Зощенко варьирует чеховский футлярный комплекс, экзистенциальные мотивы.

Мотивы порядка / беспорядка и покоя / беспокойства прослеживаются почти во всех повестях. Размышление о нетвердости мирового порядка приносит Котофееву беспокойство («Страшная ночь»). Поиск Володиным перспективного брака ассоциируется с его стремлением к покою и порядку («Сирень цветет»). Мечта Забежкина («Коза») о козе мотивирована желанием об идиллической, гармоничной жизни.

Заметим, что хаос, связанный с мотивом беспокойства, проявлен и в *языковом хаосе* повест-

вователя / персонажей. В рукописи «Мишеля Синягина» несколько авторских поправок направлены на «дисгармонизацию повествования» [Чудакова 1979: 67]. По мнению Ю. К. Щеглова, в художественном мире Зощенко доминантна «некультурность», в частности «антилитературная речь», «некультурность зощенковского героя представляла собой, собственно говоря, довольно широкий комплекс психологических черт и экзистенциальных установок...» [Щеглов 1994: 237]. Языковой хаос является ключом к пониманию психологических механизмов персонажей, он есть внешнее выражение внутренней дисгармонии. Типичным примером является повествование Коленкорова, полное излома формулировок и семантического алогизма. Анахронизм Коленкорова, т. е. использование названия «Ленинград» вместо «Петроград» в эпоху НЭПа в «Мишеле Синягине» показывает его психологический темперамент, равнодушие к современности, разрыв во времени, главное – это человек, живущий в прошлом, а не настоящем. В варианте 1936 г. была логически запутанная фраза: «Если человек не помрет, то опасных явлений на всю жизнь не остается» [Зощенко 1930: 73]. «Зощенковский герой весьма смутно представляет себе точное значение употребляемых им слов и выражений» [Сарнов 1994: 62]. Этот речевой феномен может быть объяснен в экзистенциальных измерениях. «Ненадежность жизни определяет ненадежность повествовательной манеры» [Жолковский 1999: 60]. В поворотный период дисгармонизацию речевой конструкции демонстрирует беспорядочность существования, торжество хаоса над космосом.

Описание Зощенко экзистенциальной ситуации дано как бы реминисценциями из «Трех сестер» Чехова, где преобладает «тема “ориентирования” человека в жизни» [Катаев 1989: 205]. В этой пьесе Чехов, погружая своих героев в экзистенциальную ситуацию, показывает, что «судьба на мгновение посылает надежду и тотчас отнимает» [Хайнади 2015: 144]. Перед каждым героем стоит общечеловеческий вопрос: «Как жить?». Из их размышлений выстраивается основная цепочка: опровержение прежнего мировосприятия, переосмысление смысла бытия, неудачная попытка постичь сущность жизни, разрушенные ожидания. Вместе с этим – страх, одиночество, непонимание, растерянность, разобщенность, провал коммуникации.

Эти же явления носят всеохватывающий характер в повестях Зощенко. Его интеллигент – субъект познания, большинству из героев, как Котофееву, «необходимо чувствовать, что жизнь его имеет смысл, что он чем-то прикреплен к жизни, к мирозданию, к самим основам бытия»

[Сарнов 2005: 218]. Так, «Он думал о человеческом существовании, о том, что человек так же нелепо и ненужно существует»; «Как надо жить человеку» [Зощенко 2008: 31]; «Живет по выдуманному. А ему нужно по-другому жить...» [там же: 32]; «Как живут люди и в чем их существование» [там же: 33]; «Не все люди имеют право существовать» [там же: 73]; «Как же жить тогда? Чем, кроме этого, я прикреплен?» [там же: 107]. Л. А. Посадская полагает, что в «Сентиментальных повестях» «именно в моменты зрелого осмысления ценностей жизни человек погибает» [Посадская 2014: 12]. На самом деле, трагедия происходит не в моменты «зрелого осмысления» бытия, а в моменты приобретения этих возвышенных чувств, не допущенных суровым временем, поскольку «...не стоит искать в жизни какой-то “высший смысл”. Нету в ней никакого “высшего смысла”» [Сарнов 2005: 678–679].

По мнению А. Д. Семкина, Чехов предлагает две телеологические модели: «модель-якорь (убежденность в собственном компетентном знании как и для чего надо жить, дающая уверенность) и модель-вектор (мучительный поиск смысла, устремленность ввысь). Герои Зощенко, от примитивного Васи Былинкина до утонченного Мишеля Синягина – объединены очень важным обстоятельством. Во всех случаях присутствует это модель-якорь, а модель-вектор отсутствует» [Семкин 2018: 6–7]. С нашей точки зрения, Зощенко практически описывает более трагическую ситуацию: «противопоставление судьбы и жизни: судьба непознаваема, а в жизни действуют жесткие в своей определенности законы» [Балашова 2014: 230].

Стремление героев жить по-новому, вырваться из косных обстоятельств в повестях присутствует, однако бессилие в изменении привычной формы существования и преодолении психологической инерции побеждает. В «Мишеле Синягине» есть характерный эпизод: какие-то животные при опасности выбрасывают часть своих внутренностей, чтобы жить. Концепция «адаптация для выживания» тонко намекает на трагедию интеллигентов, которые есть средний интеллигентский тип прошлого века. Фраза «Вашего мира не будет» [Олеша 2013: 135], написанная Ю. К. Олешей, как нельзя лучше передает пафос повестей.

При обращении к бытийным вопросам внимание обоих писателей перемещается от объективной реальности к субъективно-созерцательному настроению, *от быта к бытию* – это характерные черты неореализма. Изображение бытия через быт является важным сходством Зощенко и Чехова, в их предметном мире вещественный знак приобретает метафизическую,

идеологическую значимость. «Мир духа в чеховской прозе в каждый момент изображенной жизни не отделен от своей материальной оболочки, слит с него» [Чудаков 2016: 169], вещные детали направлены на неведущие отношения. Данное «овнешнение» внутренней действительности имеет место и в художественной системе Зощенко, где внутренне-сущностное человека внешне-предметно воплощено. Коза представляет утопическую идиллию, знак гарантированного покоя, «коза – это внутренний мир, это душа маленького человека Забейкина» [Синяевский 2015: 864]. Забейкин ее кормит, покупает ей цветы, с ней разговаривает. Эти действия как бы показывают, что коза для героя – духовная поддержка.

В повести «О чем пел соловей» влюбленные выдержали испытание перед лицом болезни, однако расстались из-за комода. Комод следует понимать не просто как овеществление любви, а как выражение некой идеологии, метафизический символ прочности бытия. От матери героини мы узнаем, что комод пятьдесят один год стоит на своем месте. Комод сохранился уже как память ушедшей эпохи. «Расстановка по местам» обеспечивает покой, «разумное мироустройство предполагает “правильную расстановку” предметов в соответствии со свойствами и назначением каждого» [Жолковский 1999: 148]. Спор героя и героини об интерьере, расположении комода практически представляет собой проблему сохранения памяти, соблюдения порядка и гарантии душевного покоя.

В «Людях» покупка примуса – «целое торжество», напоминает о торжественном моменте, когда Башмачкин надевает новую шинель. Примус – не только бытовой предмет, но и символ покоя и мечты о счастье. Его потеря перекликается с семейной трагедией Белокопытова и с чужим счастьем. Как полагает Л. А. Посадская: «Примус – это признак определенного достатка, а потом для утратившего все героя – признак домашнего чужого уюта» [Посадская 2013: 13].

Выводы

В заключение отметим, что «Сентиментальные повести» выстраиваются по принципу: «казалось – оказалось», «тогда – теперь», «старый мир – новый мир». Ситуация открытия, тема прозрения в повестях Зощенко часто представлена реминисценциями из прозы Чехова. Подобно «рассказам открытия», в которых «Чехов убивал не надежды, а иллюзии» [Катаев 1979: 217], в повестях Зощенко речь идет о бессмысленности иллюзии.

В «Трех сестрах» говорится «об общественном сдвиге, непосредственно направленном к полному переустройству всех форм старой жизни»

[Скафтымов 1972: 434]. Поставленная проблема получила продолжение в повестях Зощенко. Интеллигенты, живущие в переломный период истории, вынуждены изменить привычные формы существования и даже профессии. В связи с неведомостью, непрочностью судьбы человеку приходится искать некие твердые и прочные основы для перестройки разрушенного духовного мира.

Справедливо замечание С. Г. Боровикова: «Как страшны “Сентиментальные повести” Зощенко, как там силен и заразителен ужас перед жизнью вообще» [Боровиков 2015: 557]. Бытийный пафос, вечное бессилие мысли и действия, пафос невозможности возвращения к прошлой жизни и страх перед неведомостью судьбы составляют внутреннюю тему «Сентиментальных повестей».

Список литературы

- Анненков Ю. П.* Дневник моих встреч: Цикл трагедий: в 2 т. М.: Худ. лит., 1991. Т. 1. 346 с.
- Арнольд И. В.* Семантика. Стилистика. Интертекстуальность. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1999. 444 с.
- Балашова Ю. Б.* Тема судьбы и случая в творческой эволюции М. Зощенко // Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2014. № 1. С. 226–232.
- Болдырева Е. М.* «Шарлатаны от медицины» во «времена великой скорби» в творчестве Лу Синя, А. Чехова, М. Зощенко и В. Шаламова // Ярославский педагогический вестник. 2021. № 2. С. 167–181. doi 10.20323/1813-145X-2021-2-119-167-182
- Боровиков С. Г.* В русском жанре: Из жизни читателя. М.: Время, 2015. 576 с.
- Жолковский А. К.* Михаил Зощенко: поэтика недоверия. М.: Школа «Языки русской культуры», 1999. 392 с.
- Зощенко Мих.* Сентиментальные повести // Собрание сочинений: в 7 т. М.: Время, 2008. Т. 3. 640 с.
- Зощенко Мих.* Сирень цветет // Звезда. Литературно-художественный альманах. Л.: Прибой, 1930. С. 43–76.
- Катаев В. Б.* Проза Чехова: проблемы интерпретации. М.: Изд-во МГУ, 1979. 326 с.
- Катаев В. Б.* Реминисценции в «Трех сестрах» // Литературные связи Чехова. М.: Изд-во МГУ, 1989. С. 201–219.
- Колева И. П.* «Дама с собачкой» А. П. Чехова и «Дама с цветами» М. М. Зощенко: текст и интертекст // Михаил Зощенко: искусство пародии. Традиции отечественной юмористики XIX века в творчестве М. М. Зощенко. М.: Вече, 2013. С. 149–164.

Лушникова Г. И. Интертекстуальность художественного произведения. Кемерово.: КемГУ, 1995. 82 с.

Обухова И. А. «Сентиментальные повести» как этап творческих поисков М. М. Зощенко // Вестник университета Российской академии образования. 2011. № 2. С. 28–32.

Олеша Ю. К. Прощание с миром. СПб.: ИЦ «Гуманитарная Академия», 2013. 256 с.

Посадская Л. А. Повседневная жизнь и жизнь духа в «Сентиментальных повестях» М. Зощенко // Государственный литературный музей ХХ век. Альманах «ХХ век». СПб.: Островитянин, 2013. Вып. 5. С. 7–18.

Посадская Л. А. Человек и судьба (социальное и архетипическое) в «Сентиментальных повестях» М. Зощенко // Государственный литературный музей ХХ век. Альманах «ХХ век». Вып. 6. СПб.: ООО «Островитянин», 2014. С. 5–14.

Сарнов Б. М. Развивая традиции Прокруста (Михаил Зощенко и его редакторы) // Вопросы литературы. 1994. Вып. II. С. 45–91.

Сарнов Б. М. Случай Зощенко. Пришествие капитана Лебядкина. М.: Эксмо, 2005. 704 с.

Семкин А. Д. К вопросу телеологической парадигмы М. М. Зощенко // Ученые записки Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого. 2018. № 6. С. 1–8.

Синявский А. Д. Мифы Михаила Зощенко // Мих. Зощенко: Pro et contra, антология. СПб.: Изд-во Русской христианской гуманитарной академии, 2015. С. 861–879.

Скафтымов А. П. К вопросу о принципах построения пьес А. П. Чехова // Нравственные искания русских писателей. М.: Худ. лит., 1972. С. 404–435.

Сухих И. Н. Проблемы поэтики А. П. Чехова. СПб.: Изд-во Филол. ф-та СПбГУ, 2007. 492 с.

Хайнади З. Текст. Подтекст. Интертекст. «Три сестры» А. П. Чехова // Русская литература. 2015. № 1. С. 132–146.

Чехов А. П. Рассказы, повести, 1980–1983 // Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. М.: Наука, 1977. Т. 10. 496 с.

Чехов А. П. Рассказы, юморески, 1885–1886 // Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. М.: Наука, 1976. Т. 4. 552 с.

Чехов А. П. Рассказы, юморески. «Драма на охоте», 1884–1885. // Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. М.: Наука, 1975. Т. 3. 624 с.

Чудаков А. П. Поэтика Чехова. Мир Чехова: Возникновение и утверждение. СПб.: Азбука-Аттикус, 2016. 704 с.

Чудакова М. О. Поэтика Михаила Зощенко. М.: Наука, 1979. 200 с.

Щеглов Ю. К. Энциклопедия некультуры (Зощенко: рассказы 1920-х годов и «Голубая книга») // Лицо и маска Михаила Зощенко. М.: Олимп: ППП, 1994. 366 с.

Kristeva J. Word, dialogue, and novel // Desire in language: a semiotic approach to literature and art. Oxford: Blackwell, 1981. P. 64–91.

Гу Вэйцзе. 谷玮洁. 讽刺幽默先驱左琴科的反抗抑或追随 (中篇小说集《感伤的故事》的例证) // 求索. 2012 年. № 1. 第 210–212 页 [Гу Вэйцзе. Возражение и следование юмориста и сатирика Зощенко (на материале «Сентиментальных повестей») // Чу Со. 2012. № 1. С. 210–212].

References

Annenkov Yu. P. *Dnevnik moikh vstrech: tsikl tragediy* [The Diary of My Meetings. The Cycle of Tragedies: in 2 vols.]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1991, vol. 1. 346 p. (In Russ.)

Arnold I. V. *Semantika. Stilistika. Intertekstual'nost'* [Semantics. Stylistics. Intertextuality]. St. Petersburg, Saint Petersburg University Press, 1999. 444 p. (In Russ.)

Balashova Yu. B. Tema sud'by i sluchaya v tvorcheskoy evolyutsii M. Zoshchenko [The theme of fate and chance in M. Zoshchenko's creative evolution]. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki* [Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2: Humanities and Arts], 2014, issue 1, pp. 226–232. (In Russ.)

Boldyreva E. M. 'Sharlatany ot meditsiny' vo 'vremena velikoy skorbi' v tvorchestve Lu Sinya, A. Chekhova, M. Zoshchenko i V. Shalamova ['Charlatans from medicine' in the 'times of the Great Tribulation' in the works of Lu Sin, A. Chekhov, M. Zoshchenko and V. Shalamov]. *Yaroslavskiy pedagogicheskiy vestnik* [Yaroslavl Pedagogical Bulletin], 2021, issue 2, pp. 167–181. doi 10.20323/1813-145X-2021-2-119-167-182. (In Russ.)

Borovikov S. G. *V russkom zhanre: Iz zhizni chitatelya* [In the Russian Genre: From the Reader's Life]. Moscow, Vremya Publ., 2015. 576 p. (In Russ.)

Zholkovskiy A. K. *Mikhail Zoshchenko: Poetika nedoveriya* [Mikhail Zoshchenko: Poetics of Mistrust]. Moscow, Shkola 'Yazyki russkoy kul'tury' Publ., 1999. 392 p. (In Russ.)

Zoshchenko M. *Sentimental'nye povesti* [Sentimental tales]. *Sobranie sochineniy* [Collected Works: in 7 vols]. Moscow, Vremya Publ., 2008, vol. 3. 640 p. (In Russ.)

Zoshchenko M. *Siren' tsvetet* [Lilac in bloom]. *Zvezda. Literaturno-khudozhestvennyy al'manakh* [Star. Literary Artistic Almanac]. Leningrad, Priboy Publ., 1930, pp. 43–76. (In Russ.)

Kataev V. B. *Proza Chekhova: Problemy interpretatsii* [Chekhov's Prose: Problems of Interpretation]. Moscow, Lomonosov Moscow State University Press, 1979. 326 p. (In Russ.)

Kataev V. B. Reministsentsii v 'Treh sestrakh' [Reminiscences of the 'Three Sisters']. *Literaturnye svyazi Chekhova* [Literary Connections of Chekhov]. Moscow, Lomonosov Moscow State University Press, 1989, pp. 201–219. (In Russ.)

Koleva I. P. 'Dama s sobachkoy' A. P. Chekhova i 'Dama s tsvetami' M. M. Zoshchenko: tekst i intertekst ['The Lady with the Dog' by A. P. Chekhov and 'The Lady with Flowers' by M. M. Zoshchenko: Text and intertext]. *Mikhail Zoshchenko: Iskustvo parodii. Traditsii otechestvennoy yumoristiki 19 veka v tvorchestve M. M. Zoshchenko* [Mikhail Zoshchenko: The Art of Parody. Traditions of the 19th-Century Russian Humor in M. M. Zoshchenko's Works]. Moscow, Veche Publ., 2013, pp. 149–164. (In Russ.)

Lushnikova G. I. *Intertekstual'nost' khudozhestvennogo proizvedeniya* [Intertextuality of a Work of Fiction]. Kemerovo, Kemerovo State University Press, 1995. 82 p. (In Russ.)

Obukhova I. A. 'Sentimental'nye povesti' kak etap tvorcheskikh poiskov M. M. Zoshchenko ['Sentimental Tales' as a stage of M. M. Zoshchenko's creative search]. *Vestnik Universiteta Rossiyskoy Akademii Obrazovaniya* [Herald of the University of the Russian Academy of Education], 2011, issue 2, pp. 28–32. (In Russ.)

Olesha Yu. K. *Proshchanie s mirom* [Farewell to Life]. St. Petersburg, Gumanitarnaya Akademiya Publ., 2013. 256 p. (In Russ.)

Posadskaya L. A. Povednevnyaya zhizn' i zhizn' dukha v 'Sentimental'nykh povestyakh' M. Zoshchenko [The daily life and the life of the spirit in M. Zoshchenko's 'Sentimental Tales']. *Gosudarstvennyy literaturnyy muzey 'XX vek'. Al'manakh 'XX Vek'* [The State Literary Museum 'XX Century'. Almanac 'XX Century']. St. Petersburg, Ostrovityanin Publ., 2013, issue 5, pp. 7–18. (In Russ.)

Posadskaya L. A. Chelovek i sud'ba (sotsial'noe i arkhetypicheskoe) v 'Sentimental'nykh povestyakh' M. Zoshchenko [A man and fate (social and archetypal) in 'Sentimental tales' by M. Zoshchenko]. *Gosudarstvennyy Literaturnyy Muzey 'XX Vek'. Al'manakh 'XX Vek'*. [The State Literary Museum 'XX Century'. Almanac XX century]. St. Petersburg, Ostrovityanin Publ., 2014, issue 6, pp. 5–14. (In Russ.)

Sarnov B. M. Razvivaya traditsii Prokrusta (Mikhail Zoshchenko i ego redaktory) [Developing the Procrustean tradition. Mikhail Zoshchenko and his editors]. *Voprosy Literatury* [Issues of Literature], 1994, issue 2, pp. 45–91. (In Russ.)

Sarnov B. M. *Sluchay Zoshchenko. Prishestvie kapitana Lebyadkina* [Zoshchenko's Case. The

Coming of Captain Lebyadkin]. Moscow, Eksmo Publ., 2005. 704 p. (In Russ.)

Semkin A. D. K voprosu o teleologicheskoy paradigme M. M. Zoshchenko [Towards the problem of teleological paradigm of M. M. Zoshchenko]. *Uchenye zapiski Novgorodskogo Gosudarstvennogo Universiteta imeni Yaroslava Mudrogo* [Memoirs of NovSU], 2018, issue 6, pp. 1–8. (In Russ.)

Sinyavskiy A. D. Mify Mikhaila Zoshchenko [Mikhail Zoshchenko' myths]. *M. Zoshchenko: Pro et contra, antologiya* [M. Zoshchenko: Pro et Contra. Anthology]. St. Petersburg, Russian Christian Academy for the Humanities Press, 2015, pp. 861–879. (In Russ.)

Skaftymov A. P. K voprosu o printsipakh postroeniya p'es A. P. Chekhova [On the principles underlying the construction of Chekhov's plays]. *Nravstvennyye iskaniya russkikh pisateley* [Moral searches of Russian writers]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1972, pp. 404–435. (In Russ.)

Sukhikh I. N. *Problemy poetiki A. P. Chekhova* [Problems of A. Chekhov's Poetics]. St. Petersburg, Faculty of Philology of Saint Petersburg State University Press, 2007. 492 p. (In Russ.)

Khaynadi Z. Tekst. Podtekst. Intertekst. 'Tri sestry' A. P. Chekhova [Text. Subtext. Intertext. 'Three Sisters' of A. P. Chekhov]. *Russkaya literatura* [Russian Literature], 2015, issue 1, pp. 132–146. (In Russ.)

Chekhov A. P. Rasskazy, povesti, 1980–1983 [Stories, tales, 1980–1983]. *Polnoe sobranie sochineniy i pisem* [Complete Works and Letters: in 30 vols.]. Moscow, Nauka Publ., 1977, vol. 10. 496 p. (In Russ.)

Chekhov A. P. Rasskazy, yumoreski, 1885–1886 [Stories, humoresques, 1885–1886]. *Polnoe sobranie sochineniy i pisem* [Complete Works and Letters: in 30 vols.]. Moscow, Nauka Publ., 1976, vol. 4. 552 p. (In Russ.)

Chekhov A. P. Rasskazy, yumoreski. 'Drama na okhote', 1884–1885. [Stories, humoresques. 'Drama on the Hunt', 1884–1885]. *Polnoe sobranie sochineniy i pisem* [Complete Works and Letters: in 30 vols.]. Moscow, Nauka Publ., 1975, vol. 3. 624 p. (In Russ.)

Chudakov A. P. *Poetika chekhova. Mir Chekhova: Vozniknovenie i utverzhdenie* [Chekhov's Poetics. Chekhov's World: Emergence and Consolidation]. St. Petersburg, Azbuka-Attikus Publ., 2016. 704 p. (In Russ.)

Chudakova M. O. *Poetika Mikhaila Zoshchenko* [Mikhail Zoshchenko's Poetics]. Moscow, Nauka Publ., 1979. 200 p. (In Russ.)

Shcheglov Yu. K. Entsiklopediya nekul'turnosti (Zoshchenko: rasskazy 1920-kh godov i 'Golubaya kniga') [An encyclopedia of unculturedness. (Zoshchenko: Stories of the 1920s and 'The Sky-Blue

Book'). *Litso i maska Mikhaila Zoshchenko* [The Face and Mask of Mikhail Zoshchenko]. Moscow, Olimp: PPP Publ., 1994. 366 p. (In Russ.)

Kristeva J. Word, dialogue, and novel. *Desire in Language: A Semiotic Approach to Literature and Art*. Oxford, Blackwell, 1981, pp. 64–91. (In Eng.)

Gu Weijie. Fengci Youmo Xianqu Zuo Qinke Fanpan Yihuo Zhuisui (Zhongpian xiaoshuoji Gan-shang Gushi Lizheng) [The rebellion and the following of the pioneer of satirical humor Zochenko (based on the material of 'Sentimental Tales')]. *Qiusuo*, 2012, issue 1, pp. 210–212. (In Chin.)

Chekhov's context in Mikhail Zoshchenko's 'Sentimental Tales'

Bao Tingting

Postgraduate Student in the Department of History of Russian Literature

Saint Petersburg State University

7–9, Universitetskaya Embankment, St. Petersburg, 199034, Russian Federation. btt4896@gmail.com

SPIN-code: 7165-9724

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4000-5503>

ResearcherID: AFS-3915-2022

Submitted 16 Mar 2022

Revised 13 Apr 2022

Accepted 27 May 2022

For citation

Bao Tingting. Chekhovskiy kontekst v «Sentimentalnykh povestyakh» Mikhail Zoshchenko [Chekhov's Context in Mikhail Zoshchenko's 'Sentimental Tales']. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2022, vol. 14, issue 3, pp. 69–77. doi 10.17072/2073-6681-2022-3-69-77 (In Russ.)

Mikhail Zoshchenko's *Sentimental Tales* are organized as a pyramid where each level is consistent and connected with the previous ones and with Russian classic literature. One of the writers who most influenced Zoshchenko was Anton Chekhov. Their creative similarity is manifold: the poetics of daily life, the image of the little man they wrote about, the lyrical humor, the existential problems they raised. The present study provides a comprehensive analysis and an intertextual comparison of M. Zoshchenko's and A. Chekhov's poetics. The paper aims to identify how Zoshchenko employs and transforms Chekhov's principle of discovery story and to determine the meaning-forming functions performed by intertexts. The analysis revealed that M. Zoshchenko's *Sentimental Tales* are to a great degree based on Chekhov's discovery story genre. The theme of sudden insight, the it seemed versus it turned out compositional principle, existential problems, man-in-a-case complex continue the literary succession and offer new opportunities for the interpretation of Zoshchenko's prose. Characters created by Zoshchenko represent the average intellectual type of the last century. The tragedy lies in the fact that their world no longer exists, and fate is irreversible, thus the intellectuals become senseless martyrs, victims of the change of epoch. Whether the characters are aware of this problem or not, being the subjects of orientation in reality, they inevitably plunge into a dead end of cognition of being. Consequently, fears, loneliness, lack of understanding, perplexity, disunity, communication failure acquire depth in M. Zoshchenko's tales. The paper evidently demonstrates the authors sympathy for intellectuals he writes about. Existential pathos, eternal powerlessness of the thought and action, pathos of the impossibility of returning to the past life, and fear of the unknown future, constitute the inner issues of *Sentimental Tales* and raise the stories to the philosophical level.

Key words: existential problems; the theme of discovery; man-in-a-case complex; intertextuality; intertext; *Sentimental Tales*; Mikhail Zoshchenko; Anton Chekhov.